

Хара повернулся к Рэндзи Янаги, который всё это время терпеливо разъяснял братьям тонкости теннисных техник и расклад сил на корте.

— И как устроен этот трюк Масахару Нио? В чём его суть?

Янаги на мгновение опешил. Он удивлённо присмотрелся к «Масахару Нио», откровенно издевавшемуся над соперником, и заметил едва уловимые нестыковки с детальными данными в своём блокноте. Озарение пришло мгновенно.

«Нιο и Ягю... Они поменялись местами?!»

— Это всего лишь маскировка Нио, — вслух произнёс Янаги.

Сэйити Юкимура, сидевший на тренерской скамье прямо перед ними, услышал слова Янаги и обернулся с мягкой улыбкой:

— Маскировка Масахару — это не просто переодевание. Он задействует ментальное внушение, чтобы сгладить любые нестыковки в образе. Он ведь тоже играет в ментальный теннис.

Сатору подался вперёд, бесцеремонно нарушая личные границы Юкимуры, и лениво, с едва заметной протяжкой в голосе, спросил:

— Так этот ваш ментальный теннис... получается, вы просто направляете ту самую силу в игру?

Янаги мысленно нахмурился.

«Ту самую силу»? О чём это он? О ментальной энергии?

В его расчётах все эти «ментальные» показатели относились исключительно к области психологии: воле, решимости и стойкости духа. Однако Юкимура, для которого ментальный теннис был основой стиля, прекрасно знал: эта энергия вполне осязаема, её можно контролировать и направлять.

Оказавшись нос к носу с Сатору, начисто лишённым чувства такта, Юкимура даже бровью не повёл. Он спокойно кивнул и принялся разглядывать это безупречное лицо, один в один похожее на лицо его спасителя.

Сходство действительно поражало. Даже скрытые за тёмными стёклами очков пронзительно-голубые глаза, напоминавшие бескрайнюю высь, были точно такими же. Под этим взглядом казалось, будто тебя просвечивают насквозь.

Юкимура был искренне восхищён красотой Сатору, но виду не подал. Даже за это короткое время он успел понять: этот парень обожает сеять хаос. Стоит проявить хоть каплю смущения или неловкости, как он тут же сядет на шею. Сатору напоминал капризного, но чертовски красивого кота, который упорно проверяет границы терпения своего хозяина.

Невозмутимо обменявшись с Сатору ещё парой фраз, Юкимура отвернулся обратно к корту.

Сатору поначалу хотел поразвлекаться ещё, но Юкимура оказался слишком уж непрошибаемым — дразнить такого было неинтересно. Взгляд Сатору тут же скользнул к новой цели. Ею стал Гэнъитиро Санада.

Санада тоже выглядел предельно серьёзным и суровым, но Сатору с ходу раскусил его: эта напускная солидность была чересчур хрупкой. В отличие от Юкимуры, довести вице-капитана до белого каления не составляло труда.

— Слушай, а ты точно ровесник Юкимуры и остальных? — с весёлой усмешкой обратился к нему Сатору. — У тебя такое лицо, что ты им в отцы годишься без всякого грима. Вас когда вместе видят, небось принимают за тренера со спортсменами, а?

Сатору бил без промаха. Санаду действительно не раз принимали то за тренера клуба, то за преподавателя школы. Простые слова заставили сурового вице-капитана мгновенно выйти из себя.

— Сатору-кун! Ты слишком распустился! — рявкнул он.

— Ого, похоже, я угадал! Кто-то у нас закипел! — Сатору довольно зажмурился и весело покачал головой. — Распустился и буду! Вот прямо назло буду!

Санада сжал кулаки так, что костяшки побелели. Будь на месте Сатору Акая Кирихара, он бы уже давно схлопотал затрещину. Но перед ним сидел человек старше его, да ещё и брат спасителя его лучшего друга. Правила приличия не позволяли распускать руки, так что Санаде, несмотря на откровенную провокацию, оставалось лишь бессильно скрипеть зубами.

«Соберись, Гэнъитиро Санада. Не расслабляйся. Терпи! Терпи!»

С мрачным видом он поднялся со своего места и пересел на самый край скамьи, подальше от греха. Нависнув над Джекалом Кувахарой, он глухо процедил:

— Поменяйся со мной местами. Быстро.

Кувахара ошалело уставился на вице-капитана. Ему очень не хотелось уходить от Бунты Маруи, но, глядя на грозную, потемневшую от злости физиономию Санады, он спорить не решился и послушно встал.

Сатору ничуть не устыдился того, что прогнал бедного школьника. С весёлым любопытством он уставился на севшего рядом темнокожего парня:

— О, а ты ведь играл в прошлом парном матче, да? Твой загар напоминает мне шоколадный бисквит. Терпеть не могу шоколадные десерты — в них маловато сахара. Я больше люблю кикифуку с кремом...

Услышав про сладости, Бунта Маруи, пересевший вслед за Кувахарой, мгновенно оживился. Его глаза вспыхнули от восторга, словно он встретил родственную душу.

— Сатору-кун, ты тоже любишь сладкое?! — радостно воскликнул он. — Я без него жить не могу! Я знаю кучу мест, где готовят просто божественные пирожные...

Бунта принялся взахлёб перечислять свои любимые кондитерские. Сатору, который собирался было подразнить Кувахару, мигом забыл о своей жертве. Обсуждение изысканных рецептов и нежного крема оказалось куда более увлекательным занятием, чем издевательства над подростками.

В итоге Сатору и Бунта увлечённо заболтались, делясь кондитерскими секретами.

Сидевший чуть поодаль Хара почувствовал себя слегка покинутым.

«...»

Ему было немного обидно, но старший брат смолчал. Впрочем, видя, как весело Сатору общается с новым знакомым, Хара тоже повеселел. В конце концов, главный матч, ради которого он привёл брата — тот самый, где покажут легендарное «Лишение пяти чувств», — ещё не начался. Пусть пока развлечётся разговорами, чтобы не заскучать.

Остальные игроки «Риккай» облегчённо выдохнули, завидев, что Маруи полностью переключил внимание Сатору на себя.

Наблюдая за тем, как безжалостно Сатору измывался над Санадой, они поняли: этот взрослый парень по степени вредности превосходит даже их собственного трикстера, Масахару Нио. Тот хотя бы изредка заботился о приличиях и репутации, Сатору же совершенно не волновало чужое мнение — он кривлялся и паясничал без малейшего стеснения.

Что до сидевшего рядом Хары, который казался верхом благоразумия и солидности, на него поначалу возлагали большие надежды. Однако вскоре все убедились: Хара лишь с бесконечной нежностью и покровительственной улыбкой наблюдал за тем, как его «братец-кот» выпускает когти. Перед ними был классический пособник, готовый потакать любым капризам своего ненаглядного младшего. Помощи от него ждать не приходилось.

Спустя двадцать минут завершился и второй парный матч. Команда «Риккай», разумеется, снова праздновала победу.

Перед началом соревнований Юкимура, зная, что Хара приведёт своего младшего брата на трибуны, строго-настрого наказал команде показать красивую и безупречную игру. Так что даже Нио с Ягю, устроившие шоу с обменом масками ради забавы, вовремя взяли себя в руки и не стали затягивать встречу, быстро добив соперников.

И вот настал момент, которого все так долго ждали — третий одиночный матч.

Даже приунывший после выходов Сатору вице-капитан Санада мигом подобрался. Он выпрямился в струнку и устремил напряжённый взгляд на корт. Там, накинув форму на плечи на манер плаща, уже выходил со своей ракеткой Сэйити Юкимура.

«Риккай», Сэйити Юкимура против «Сэйсюн», Садахару Инуи!

Трибуны мгновенно затаили дыхание.

Перед ними стоял сам Юкимура! Абсолютный лидер, не проигравший ни одного сета за всю свою среднюю школу, легендарный «Сын Бога», завершавший каждую встречу с разгромным счётом 6:0!

До зрителей доходили слухи о его тяжёлой болезни и долгой госпитализации. Всем не терпелось увидеть, сохранил ли он прежнюю сокрушительную силу после выписки. Эта игра должна была стать его триумфальным возвращением в третьем классе.

Но если трибуны трепетали от предвкушения, то на скамейке «Сэйсюн» воцарилась гробовая тишина.

Садахару Инуи заметно побледнел.

— Я был уверен, что Юкимура выйдет в первом одиночном разряде, — процедил он сквозь зубы. — Мои расчёты оказались ошибочными. Простите.

Инуи прекрасно понимал: играй он против Рэндзи Янаги, у него оставался бы хоть призрачный шанс на победу. Но против Юкимуры вероятность его успеха равнялась сотой доле процента. И эта цифра существовала лишь ради математической точности расчётов.

Один взгляд на соперника лишил его иллюзий. Инуи понял: золото Канто сегодня уплывает из рук «Сэйсюн».

Товарищи по команде поспешили его поддержать:

— Не переживай, Садахару! Главное — мы в любом случае выходим на национальный турнир. Против тебя играет капитан «Риккай». Используй эту возможность, чтобы собрать уникальные данные для будущих матчей.

В отличие от непобедимых чемпионов «Риккай», стремящихся к своему шестнадцатому триумфу подряд, «Сэйсюн» не испытывала удушающего давления. Раньше они даже не мечтали выйти в финал Канто, так что гарантированное серебро уже было для них феноменальным достижением. Особо терять им было нечего.

К тому же их капитан Кунимицу Тэзука — единственный, кто мог бы на равных сразиться с Юкимурой, — сейчас находился в Германии на лечении травмированной руки. Без него боевой дух команды был умеренным, и все внутренне подготовились к поражению. Выиграть этот матч было бы чудом, а проиграть — вполне ожидаемым исходом. Они ничего не теряли.

Утешения возымели действие. Инуи глубоко вздохнул и поправил очки.

— Хорошо. Я сделаю всё возможное, чтобы собрать полную базу данных на Юкимуру.

Это было необходимо для национальных соревнований, когда в строй вернётся Тэзука. Инуи верил: они ещё встретятся с «Риккай» лицом к лицу. Региональный кубок они упустили, но за национальное золото ещё поборются.

С решимостью смертника Инуи шагнул на корт. Мысли о победе испарились — теперь его задачей было продержаться как можно дольше и вывести секреты соперника.

Однако реальность оказалась жестокой. Юкимура, даже не соизволивший снять наброшенную на плечи олимпийку, громил его в пух и прах. Сила этого парня с сине-фиолетовыми волосами казалась чем-то запредельным. Руки Инуи задрожали, а блокнот в его сознании покрылся хаотичными пятнами — любой его удар Юкимура возвращал с оскорбительной лёгкостью. Все попытки вырвать хотя бы очко оборачивались крахом. А затем, когда струны его ракетки в очередной раз коснулись мяча, пальцы вдруг онемели.

Юкимура мягко улыbnулся и негромко произнёс:

— Твоё осязание угасло. На очереди зрение.

Инуи судорожно сжал рукоять. Пустота. Он совершенно не чувствовал веса дерева и натяжения обмотки. Осязание действительно пропало!

Жёлтый мяч раз за разом вычерчивал в воздухе идеальные дуги. Инуи метался по корту, пытаясь нанести ответный удар, но лишённые чувствительности руки не слушались. Мячи летели то в сетку, то далеко в аут. Очки стремительно таяли.

Вскоре контуры корта перед его глазами расплылись, а затем мир окончательно поглотила непроглядная тьма. Он ослеп.

В этой пугающей черноте у него остался лишь слух — глухой стук прыгающего мяча и тихий, вкрадчивый голос Юкимуры, звучащий подобно шёпота демона:

— Зрение ушло. Теперь я забираю твой слух...

Отрезанный от реальности, лишённый ощущений и картинки, Инуи впал в панику. Судорожно цепляясь за остатки разума, он пытался сопоставить пространственную память о размерах корта со слабеющим эхом ударов, чтобы угадать траекторию мяча и сделать хоть один ответный замах. Но он даже не догадывался, что его изнурённое тело уже давно вышло из-под контроля. Он спотыкался, метался из стороны в сторону и даже не заметил, как ракетка выскользнула из его рук и с сухим стуком упала на землю.

Мерный, ритмичный стук мяча звучал на какой-то чуждой, гипнотической частоте. Мгновение — и последний звук растворился в звенящей тишине.

На трибунах Хара и Сатору давно забыли про расслабленные позы. Они сидели подавшись вперёд, не отрывая глаз от корта, где клубилась невидимая для обычных людей ментальная энергия, плотным коконом окутывавшая каждый удар Юкимуры. Под давлением этой незримой мощи несчастный Инуи угасал на глазах. Одно за другим отключались его чувства, пока он не превратился в безвольный манекен, блуждающий в пустоте собственного разума.

Сатору медленно приспустил очки на кончик носа. На его губах заиграла понимающая ухмылка:

— Вот оно что... Теперь всё ясно!

Хара тоже всё понял. Братья переглянулись, и в глазах каждого отразилась одинаковая торжествующая искра.

Во время парной игры Нио тоже задействовал ментальные крупы, но их было слишком мало, чтобы составить полную картину. Но Юкимура буквально соткал свой стиль из этой силы. Израсходованный им объём энергии позволил братьям без труда разгадать её природу.

Их Шесть Глаз отчётливо зафиксировали: в моменты высшего напряжения Юкимура неосознанно вытягивал из глубин своего тела проклятую энергию. Иными словами, он манипулировал ею, даже не подозревая о её существовании в классическом понимании магов.

Эта «ментальная сила», которой так гордились спортсмены, на поверку оказалась чистейшей проклятой энергией, полностью отфильтрованной от примесей негативных эмоций.

Негатив — лишь одна из граней человеческого разума. Из него рождается классическая проклятая энергия, однако её ядром всегда остаётся индивидуальная воля человека. Именно поэтому энергия каждого человека несёт свой неповторимый отпечаток, подобно рисунку сетчатки. Даже у близнецов вроде Хары и Сатору остаточная проклятая энергия различалась для наметанного глаза мага.

Слепая злоба или страх безлики, но, сплавляясь с личной ментальной матрицей, они обретают уникальный почерк. Духовная сущность владельца становится тем самым маркером, неповторимым цифровым кодом силы.

Ни Хара, ни Сатору никогда прежде не встречали никого, кто мог бы отсеять негативные эмоции и использовать ментальную составляющую в чистом виде. Разложить проклятую энергию на компоненты и ювелирно направить лишь одну её часть — это было поистине поразительное открытие.

Сатору взбудораженно пихнул брата локтем:

— Хара, ты ведь тоже это видишь?

Хара кивнул, сразу поняв, к чему клонит брат:

— Да. Его сила не рассеивается в пространстве вместе с парами негатива. А значит, он никогда не породит проклятого духа.

Обычные люди постоянно и бесконтрольно источают проклятую энергию, которая со временем сгущается в жутких тварей. Но Юкимура в процессе игры расходовал резервы без остатка. Отсечённый негатив шёл на подавление воли оппонента, а чистая ментальная энергия создавала ловушку для его чувств. Расщепляя свою силу прямо во время подачи, он, сам того не зная, действовал в точности как обученный маг. Его энергия находила применение и не утекала в окружающий мир, подкармливая проклятия.

— И при всём этом он обычный человек без намёка на магический дар! — Сатору так и светился от восторга. — До чего же забавно!

Главный рубеж между магом и обывателем всегда пролегал в строении мозга — именно там запечатывались врождённые техники. Шесть Глаз безошибочно определяли, что Юкимура обделён этим даром, но парень умудрился пробить собственную тропинку к управлению проклятой энергией. И его способность к Лишению пяти чувств была абсолютно реальной магической техникой, рождённой прямо на корте.

— Настоящий волшебный теннис, — протянул Сатору с хитрой усмешкой.

Видя искренний восторг брата, Хара мысленно выдохнул: их поездка определённо стоила

потраченного времени. Он перевёл взгляд на Рэндзи Янаги. Тот сидел рядом и озадаченно переводил взгляд с одного близнеца на другого — обрывки их разговора звучали для непосвящённого как полная нелепица.

Разумеется, раскрывать перед ним тайны магического мира никто не собирался. Хара лишь вежливо проигнорировал немой вопрос в глазах Янаги.

— Если приём называется «лишением пяти чувств», то дело ведь не ограничивается осязанием, зрением и слухом? — поинтересовался Хара.

Янаги заставил себя отбросить лишние вопросы и кивнул:

— Именно. Подавляются также вкус и обоняние. Но в условиях матча они практически бесполезны, поэтому Сэйити редко акцентирует на них внимание, да и сами соперники не сразу замечают их пропажу.

— Жутко интересно, каково это — лишиться всех чувств сразу, — Сатору с любопытством сощурился. — Любопытно, сработает ли его трюк на мне?

Хара, готовый пойти на всё ради любой прихоти младшего, спокойно отозвался:

— Можем устроить. А если его магия окажется слабоватой для тебя, я просто попрошу его поделиться секретом и доработаю эту технику сам.

Для него не существовало преград: если Сатору чего-то хотел, Хара расшибался в лепёшку, но доставал желаемое.

Сатору довольно ухмыльнулся, греясь в лучах этой безграничной заботы. Теперь сама возможность лишиться чувств волновала его куда меньше, чем безоговорочная готовность брата выполнить любой его каприз.

На корте тем временем разыгрывался финал драмы. Юкимура хладнокровно добил соперника. Инуи так и не пришёл в себя до самого конца матча — он не то что не смог отбить ни одной подачи, но даже обещанных данных собрать не сумел.

Горечь поражения школы «Сэйсюн» никого в «Риккай» не трогала. Для вечных триумфаторов победа была естественной, как дыхание. Сильный забирает кубок, слабый уходит ни с чем — таков незыблемый закон их вселенной.

Братьям Годжо и вовсе было плевать на проигравших. Из всей команды победителей они запомнили лишь Юкимуру да скользкого Нио с его фокусами. Остальные игроки, лишённые ментальной искры, слились для них в однообразную серую массу.

Глядя на то, как триумфаторы поднимаются на пьедестал под оглушительный рёв преданных болельщиков, Сатору со вздохом заметил:

— Знаешь, обычная школа как-то пободрее нашего колледжа будет. У нас во всём заведении даже на одну команду народу не наскребётся.

Устроить подобное безумие с флагами и кричалками в их тихой обители магов было попросту некому. Сложив всех учеников, преподавателей и уборщиков, едва ли удалось бы заполнить половину одной теннисной скамейки.

Заметив неподдельный интерес в глазах брата, Хара тут же подхватил тему:

— Нам ведь не обязательно собирать толпу для командных зачётов. Можно урезать правила и устроить одиночный турнир прямо в колледже. Сделаем смешанную сетку, позовём девчонок.

Идея пришлась Сатору по вкусу. Он с размаху хлопнул брата по бедру:

— Точно! Давай у себя в Токио устроим собственный чемпионат! Встанем с тобой в пару и раскатаем Сугуру с Сёко в пух и прах!

Посмотрев три матча, он уже полностью освоил правила и горел желанием немедленно опробовать теорию на практике.

Хара, чьё бедро только что подверглось столь бурному выражению чувств, лишь тихо охнул про себя.

«...»

Святые угодники, ну и ладно. Приятная тяжесть братской любви, не иначе.

Сатору уже строчил сообщение в телефоне:

[Сугуру, как насчёт теннисного турнира в колледже? Я всё придумал!]

В этот момент Гэто Сугуру, обливаясь потом на очередном изнурительном задании, уставился в экран.

«...»

Его лицо потемнело от злости, а пальцы сжались на корпусе смартфона с такой силой, что защитное стекло жалобно хрустнуло. Он тут едва концы не отдаёт, пока его дражайшие

одноклассники прохлаждаются на спортивных трибунах, так этот несносный тип ещё и умудряется глумиться над ним на расстоянии! Иначе как издевательской издёвкой это предложение Гэто назвать не мог.

Оставив сообщение без ответа, Сугуру попытался вернуться к работе, но Сатору и не думал униматься. Экран вспыхивал от непрекращающегося потока спама.

Трещина на стекле поначалу казалась пустяком, но назойливый писк уведомлений вывел Гэто из себя. Вспышка глухой ярости — и многострадальный гаджет в его ладони окончательно превратился в груду бесполезного пластика и битого стекла.

«Проклятье... Теперь даже вспомогательному управляющему не отчитаться».

Сатору, понятия не имевший о разыгравшейся на другом конце Токио технической трагедии, недовольно надулся. Так и не дождавшись ответа, он убрал телефон в карман и проворчал:

— Ну и злыдень этот Сугуру, игнорирует меня нарочно! Я-то хотел по-дружески поделиться с ним великой тайной этого спорта. Ладно же, сам освою этот ментальный теннис, а потом ка-а-ак покажу ему — челюсть потеряет!

Заметив коварный прищур брата, Хара мысленно вздохнул. Бедному Гэто явно готовилась очередная ментальная облава.

«Прости, Сугуру. Держись там».

Впрочем, на то они и лучшие друзья, чтобы терпеть чужие заскоки. Сатору ведь такое милое и непосредственное создание, разве может он желать кому-то зла? Обычные невинные шалости. Мог бы и уступить младшему, ничего страшного.

Решив для себя этот этический вопрос в пользу брата, Хара со спокойной душой отбросил остатки жалости. Он ласково улыбнулся и ободряюще кивнул Сатору, готовый поддержать любой его безумный план.

Праздновать победу в Канто команда «Риккай» собиралась в полном составе, но Хара и Сатору вежливо отказались от приглашения.

Сатору поначалу очень хотелось пойти — одна лишь кислая мина Санады обещала массу весёлых минут. Но на кону стояло нечто куда более важное: лимитированная серия мангового мусса в одной знаменитой кондитерской Канагавы, продажи которой начинались с минуты на минуту. Тратить драгоценное время на посиделки со школьниками было непозволительной роскошью.

— Не, мы пас! Никакое жареное мясо не сравнится со свежим десертом! — легкомысленно

отмахнулся Сатору.

Санада шумно и не скрываясь выдохнул.

Сатору тут же поймал его взгляд и ехидно прищурился:

— Да и наш юный старец явно не горит желанием видеть нас за столом.

Юкимура укоризненно посмотрел на своего заместителя:

— Гэнъитиро, неужели ты и правда не рад нашим гостям?

Санада до боли в челюсти хотел рявкнуть, что не рад конкретно одному несносному белобрысому наглецу. Однако под тяжёлым, ласковым взглядом своего капитана он лишь вытянулся по струнке и выдавил из себя:

— Вовсе нет. Мы будем счастливы видеть вас обоих на нашем празднике.

Голос его при этом звучал так, словно к его виску приставили заряженный пистолет.

Сатору пропустил эту натянутость мимо ушей. Он восторженно всплеснул руками и, манерно прижав ладони к щекам, пропел голоском капризной школьницы:

— Ой, правда-правда?! Гэнъитиро, ты так мил ко мне! Я прямо таю от счастья!

От этих заигрываний у Санады волосы дыбом встали по всему телу.

<http://bllate.org/book/19549/2004334>